

Фотограф Уильям Кляйн:

Известия - 2005 -
21 апр. - с. 13

«Если бы я остался в Америке, я бы уже умер»

Московский дом фотографии раздал «Серебряные венки» — премии в области фотоискусства. Среди награжденных оказался и Уильям Кляйн, получивший 7 тысяч долларов за вклад в мировую фотографию. О своем вкладе величайший фотограф современности рассказал обозревателю «Известий» Николаю Молоку.

известия: Вас называют классиком и революционером одновременно. Что для вас эти названия и титулы?

Уильям Кляйн: Фотография — это более-менее мое хобби. Вообще-то я был художником. Абстрактным художником. Однажды заперся в темной комнате и изобрел систему, как проецировать абстрактные формы на бумагу. Так у меня появилась темная комната. До этого я никогда не снимал. Когда я был маленьким, я считал, что фотография — это чудо. Раз у меня появилась темная комната, я начал фотографировать. Но я делал такие снимки, которые не укладывались в традицию классической, академической фотографии. Я делал скорее абстрактные фотографии. Тогда в Америке была эпоха «живописи действия» (action painting). И мои снимки можно назвать «фотографией действия». Они были размыты, могли быть не в фокусе. И это действительно было революционным, это мой вклад в искусство фотографии. Что касается того, что я — классик фотографии, то так случилось, что два поколения фотографов вдохновлялись этими моими экспериментами. Теперь все фотографы работают так, как я. И это больше никого не удивляет. Это стало классикой. Но в фотографии есть периоды. И сегодня — другой период. Сегодняшние фотографы — Томас Штрут, Андреас Гурски — снимают так, как снимали много лет назад, еще до меня. Эта фотография — скорее документация реальности. И вполне академическая. Это другая эстетика. И сегодня уже она революционна.

известия: А как вы относитесь к Роберту Мэпплторпу? У нас он сейчас в большой моде.

Кляйн: Мэпплторп — очень академичный фотограф. Конечно, его снимки шокируют, они рассчитаны на скандал. Но для меня это скучная фотография. Как и весь контекст, в котором она возникала. Ведь большая часть этих фотографий считается порнографией. Смешно, что в свое время в американском конгрессе всерьез обсуждалось, что нужно часть денег налогоплательщиков выделить в помощь Мэпплторпу, который фотографировал члены.

известия: Но ведь и ваша книга «Нью-Йорк», до сих пор не изданная в Америке, была скандальной?

Кляйн: Для меня в ней не было никакого скандала. Я был художником. И я знал, что в живописи в XX веке было очень много экспериментов. А в фотографии почти не было. Были эксперименты в Баухаузе, у русских конструктивистов. И, строго говоря, все. Для меня это был не скандал, а эксперимент.

известия: Почему из Нью-Йорка вы переехали в Париж?

Кляйн: Я не переезжал в Париж. Меня послали в Париж. Как солдата. После войны я был в оккупационных войсках в Германии. Начальство выбрало 25 солдат для учебы в Сорбонне. Я оказался в Париже и остался. Я в любом случае должен был отселиться от моей семьи, потому что моя семья занималась бизнесом, и идея тратить время, занимаясь искусством, была для них глупостью.

известия: Лучше в армии?

Кляйн: Лучше в Париже!

известия: То есть в вашем переселении не было никакого «антиамериканизма»?

Кляйн: Конечно, был! Если бы я остался в Америке, я бы уже умер. У меня бы было пять инфарктов. Из-за американской политики, вообще из-за того, как Америка живет.

известия: Почему вы бросили фотографию в начале 1960-х?

Кляйн: Потому что я решил, что все, что мог, я сделал. И стал снимать кино.

известия: В чем разница между фотографией и кино?

Кляйн: В том, что в кино за тобой носят всю аппаратуру, а в фотографии ты должен носить

все сам. Но есть, конечно, и другие отличия. В кино есть история. Фотографию гораздо тяжелее читать. Ты делаешь снимок, но люди не всегда его понимают. Считается, что фотография делается ради шутки, чтобы застать человека, ковыряющегося в носу, враспых. В кино есть начало и конец, и зрителю гораздо легче сохранять концентрацию.

известия: А почему вы вернулись к фотографии в 1980-х?

Кляйн: Случайно. Вообще почти все, что я делал, было случайностью. Например, случайностью была моя книга про Рим. Я подарил свою книгу о Нью-Йорке Феллини, и он захотел, чтобы приехал в Рим и был его помощником на съемках фильма. Но фильм отложили, а я уже был в Риме и решил сделать книгу.

известия: Как вы относитесь к моделям?

Кляйн: Я женат. Я женат сто лет. Я встретил свою жену на второй день после приезда в Париж, и мы до сих пор вместе. С моделями я любил флиртовать, но никогда не был слишком серьезен. Мне было интересно знакомиться с этими красивыми девушками, и мне было интересно, как эти девушки радуются тому, что они красивы и модны. Я считаю, что мода — это глупость. И я снимал их с юмором. Но я воспользовался тем, что мне хорошо платили в Vogue. Для меня это была простая работа, занимала всего месяца два в году.

известия: Почему вы приехали в Москву тогда, в конце 1950-х?

Кляйн: Мне хотелось посмотреть, как выглядит Россия. Но я поехал не как турист, не только для того, чтобы смотреть, но и для того, чтобы сказать, что я думаю об этой цивилизации, о которой тогда мало что знали. Но что мне нравится в русских, так это то, как они подают чай (в этот момент официант разлил чай прямо перед Кляйном).

известия: А почему приехали сейчас?

Кляйн: Вообще я не очень люблю путешествовать. Но тут подумал, что неплохо съездить в Москву. В аэропорту меня посадили в тюрьму — у меня не было визы. Потом в такси я потерял мобильный телефон. Такие вещи и делают жизнь интересной.

известия: Вы любите приключения?

Кляйн: Большие приключения. Я прежде никогда не был в атмосфере, описанной у Кафки. А теперь вот побывал. В московском аэропорту. Все эти женщины на паспортном контроле, в зеленой униформе, в мини-юбках, которые так обтягивают, словно они на два размера меньше. И никто не говорит ни на одном иностранном языке. Настоящий Кафка!

известия: Может, вам не нравятся русские женщины?

Кляйн: Нравятся. Но другие. Шаропова, например.

АМЕРИКАНЕЦ В ПАРИЖЕ

Уильям Кляйн родился в 1928 году в Нью-Йорке. После войны оказался в Париже, учился в Сорбонне, работал в мастерской Фернана Леже. С 1955 по 1965 год был штатным фотографом американского издания журнала Vogue. Его снимки тех лет определили все дальнейшее развитие фотографии моды.

В конце 50-х и начале 60-х выпустил несколько фотоальбомов, посвященных Нью-Йорку, Риму, Москве. Вокруг книги про Нью-Йорк разразился скандал, Кляйна обвинили в том, что его снимки слишком агрессивные, что он показывает город слишком однобоко и негативно-пристрастно. До сих пор книга, напечатанная во многих странах мира, не издана в Америке.